

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

СПЕЦНАЗ

ГРУ

Сергей САМАРОВ

СТОН ЗЕМЛИ

Сергей Васильевич Самаров
Стон земли
Серия «Спецназ ГРУ»

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5811510
Самаров С. В. Стон земли: Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-64200-7*

Аннотация

В Магаданской области совершено дерзкое ограбление: бандиты напали на инкассаторскую машину, расстреляли охрану и похитили восемьдесят килограммов золота. Полицейские задержали преступников «по горячим следам», однако золота при них не обнаружили. Началось следствие, и вскоре выяснилось, что злоумышленники действовали по приказу северокавказских террористов. Сразу после ограбления они передали золото курьеру, и тот в данный момент транспортирует драгоценный металл в Грузию, где террористы планируют поменять его на крупную партию оружия. К грузинской границе срочно выдвигаются бойцы подполковника Шумакова – командира батальона спецназа ГРУ. Им приказано уничтожить курьера и вернуть магаданское золото...

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	9
Глава третья	15
Глава четвертая	21
Глава пятая	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Сергей Самаров

Стон земли

Глава первая

Синоптики метель обещали...

На Колыме зима настоящая, чистых, как говорят, кровей. И «зимник» по холмам проложен. Ровная дорога. Конечно, не асфальт, но мягче любого асфальта, машина практически не чувствует никаких неровностей почвы. Все зависит от мастерства бульдозериста, который обслуживает участок дороги. Иной только наковыряет снег, и тогда езда мало кому удовольствия доставит. А другой, как утюгом проходится, каждый бугорок выравнивает. Таких спецов в дорожной службе любят и держат на работе, несмотря ни на какие провинности. А без провинностей человека здесь найти трудно. Народ крутой и на решения скорый.

«Ниссан Пасфайндер» остановился перед поворотом. Водитель вытащил из кармана трубку сотового телефона, подавшую «голос», и нажал кнопку ответа.

– Волоха, ты? – спросил мужчина, говоривший с сильным кавказским акцентом.

– Да-да, я слушаю.

– Он едет.

– Хорошо. Через сколько здесь будет?

– Как доедет. Он мужик такой – что-то не понравится, сам за собой подчищает, переделывает. Трудно сказать, когда до тебя доберется. И скорость у него зависит от того, сколько выпил. Сейчас вроде бы быстро катит.

– Понял. Тороплюсь.

Водитель убрал трубку и кивнул своему пассажиру:

– Давай, братан, действуй... Василич твой уже на подходе.

Пассажир вытащил из сумки дощечку с острыми гвоздями, сумку забросил на заднее сиденье, вышел и подложил дощечку, гвоздями вверх, под переднее колесо со стороны водителя. Тот опустил стекло, несмотря на морозную и ветреную погоду, высунулся, взглядом проверил сделанное и удовлетворенно кивнул. Пассажир шагнул в сторону, чтобы полюбоваться картиной, даже голову наклонил, ожидая интересного действия. Внедорожник проехал прямо по гвоздям, и колесо почти сразу осело.

– Хоп! Готово!

Водитель заглушил двигатель, вышел из машины и, якобы сокрушаясь, поцокал языком.

– Ай-яй-яй... И что я делать буду? Домкрат с собой не взял...

Он присел рядом с колесом и не без труда оторвал от резины «прибитую» к ней дощечку с гвоздями. Очищенные плотной резиной от ржавчины, они блестели, хотя солнца не было, все небо заволочло тучами, предвестниками скорой метели. Но вчерашний снег, чистый и не покрытый городской пылью и грязью, смешанной с разными химическими реагентами, сам светился розово-голубоватым светом и отражался в гвоздях. После этого водитель, вздыхая, подошел к дверце багажника, распахнул ее и вытащил заранее подготовленное запасное колесо, «баллонный ключ» и слегка сплюсненную на конце трубу, чтобы ключ удлинить и рычаг сделать длиннее – так крутить удобнее, и меньше усилий приходится прилагать. Он подкатил колесо, прислонил к выпуклой колесной арке и, бросив ключ с трубой на снег, взглянул на часы.

– Сейчас подъедет.

– Подъедет, – согласился пассажир. – Василич – мужик пунктуальный, даже в пьяном виде свой график выдерживает. Правда, пьяный он практически всегда. Вон, кажется, уже едет. Я же говорил...

Водитель прислушался и тоже услышал отдаленный шум. Ехал бульдозер с достаточно быстрой скоростью.

– Едет, – кивнул он, открыл дверцу заднего сиденья, вытащил оттуда куртку и надел ее на себя.

Пассажир тоже забрался в машину, но за шапкой. Она была большая и лохматая, из собачьего меха, не особо красивая, зато чрезвычайно теплая.

Через пятнадцать минут из-за поворота выехал бульдозер, чистящий дорогу.

Подъехав к внедорожнику, он сгреб снег в сторону, сделав дополнительную маленькую площадку, слегка сдал назад и остановился рядом с «Пасфайндером». Бульдозерист натянул на себя меховую куртку, открыл дверцу и ступил на гусеницу, подслеповато жмуря глаза и присматриваясь. Узнав пассажира внедорожника, не заулыбался, а спросил с чувством собственного достоинства:

– Гортан, ты, что ль?

– Я, Василич, я, конечно. Неужели за два месяца так изменился, что не узнаешь?.. Вернулся я, как и обещал. А я еще по тому, как дорога гладко вычищена, понял, что это твоя работа. Так никто, кроме тебя, не умеет.

– Мы со старухой работу знаем, – согласился Василич и похлопал ладонью по капоту бульдозера, показывая, кого он имеет в виду. – Друг друга не подводим.

– Зато нас вот, можно сказать, подвел кто-то, – заметил Гортан и протянул бульдозеристу дощечку с гвоздями.

– Прокололи, что ли?

– Прокололи, – ответил водитель. – Вцепилась в колесо, как прибитая, еле оторвал.

– Кто ж такую бросил?.. – недоуменно протянул Василич. – И непонятно, почему она такая. Разве что специально для того, чтоб кто-то колесо проколол. Или мне под гусеницу хотели, так сказать, проверка на вшивость. Я здесь почаще других езжу, за день дважды, туда и обратно. А чего ждете-то, скоро ведь темнеть начнет. Колесо, говорю, чего не меняете?

– Да я вот, – словно стесняясь, сказал водитель, – вчера в гараже домкратил, что-то у меня под днищем постукивало, и домкрат в машину положить забыл. Ждем вот, может, кто поедет. У вас-то домкрата, как я понимаю, и быть не должно...

– Да мне он ни к чему. Кто же бульдозер домкратит?..

– А если бульдозером приподнять? – предложил водитель. – У меня доска в багажнике валяется. Подложу ее, и вы своим отвалом поднимете.

– А точно, Василич, выручай, – попросил Гортан. – Мы в долгу не останемся, у меня с собой спирта запас на неделю.

– Не пробовал такие вещи выкидывать, – хмыкнул в раздумье Василич, – и не знаю, как получится. Только вот думаю, кто еще сегодня поедет? Золото с прииска через сорок минут повезут, но они не остановятся, им по инструкции не положено. Так что один я и остаюсь. А что, давай, мужики, рискнем. Только машину на «ручник» переведи, а то свалится с отвала, я не смогу его горизонтально поставить. Гортан, под задние колеса что-нибудь подложи. А ты доску свою тащи, иначе бампер напрочь сломаю.

Василич прыгнул на дорогу и заглянул под внедорожник. Водитель притащил из багажника кусок широкой доски-«пятидесятки». Бульдозерист пощупал ее пальцами, довольно кивнул и показал, как лучше доску держать. После этого вернулся в кабину своей тяжелой машины, сдал задним ходом и выехал на противоположную своему первоначальному движению сторону. Работа началась, причем почти ювелирная, которую не каждый бульдозерист выполнить сможет. Полусферический отвал, имеющий большие и широкие

клыки, опустился под самый острый угол, какой только мог создать, и подлез клыками под передний бампер «Пасфайндера». Водитель двумя руками держал доску. Пневматика на бульдозере работала хорошо, отвал сначала прижал доску, замер на какое-то мгновение и начал по сантиметрам приподнимать машину. Сама смена колеса заняла времени не больше, чем потребовалось бульдозеру для выполнения функции домкрата. Водитель напоследок проверил все гайки, но не затягивал их до треска в резьбе, иначе на морозе могли бы лопнуть шпильки.

– Вот и все! – радостно завопил Гортан, стараясь перекричать двигатель бульдозера, и замахал руками, требуя завершения операции и приглашая бульдозериста в салон внедорожника. Тот, кажется, все понял. Конечно, не все, но, по крайней мере, то, что ему демонстрировали. А демонстрировали ему не что иное, как стакан, к которому Василич давно уже испытывал определенные страстные чувства.

Сам Гортан уселся на заднее сиденье. Бульдозер опустил отвал, и внедорожник устойчиво встал на все четыре колеса. Василич вылез на гусеницу, бросил взгляд на дорогу, которую только что расчистил, и, оценивая проделанную работу и пройденный на сегодня путь, наклонил голову в ответ на благодарственный полупоклон водителя. Затем спрыгнул и вошел в салон машины, где уже сидел Гортан, держа в одной руке налитый пластиковый стакан, а во второй – бутылку с питьевым спиртом, заменяющим в северных регионах водку.

– Сам сначала... – уважительно проговорил Василич, когда Гортан попытался всунуть стакан ему в руку.

– Я уже... Пока ты дело делал. Нутро после вчерашнего вечера горит, потому и прикладываюсь понемногу.

– А занюхать?

Гортан показал на пакет, лежащий на сиденье. Василич вытащил из него бутерброд с сыром, взял стакан и одним махом выпил. Откусив кусочек бутерброда, поинтересовался:

– А водила будет?

– Непьющий... Неинтересный он... – ответил Гортан. – Вдогонку или как?

– Давай. А ты?

– Успею. Нам еще встреча сегодня предстоит, надо поберечь внешний вид для серьезного разговора. Вечером, может, к тебе заедем. Спирта хватит.

– С радостью приму гостей.

Гортан налил опять почти полный стакан. Василич принял дозу, резко выдохнул, поморщился и закусил остатками бутерброда. Гортан смотрел на него с интересом и ожиданием. Когда сам бульдозерист заглывал последний разжеванный кусок, стакан выпал из рук, глаза сами собой закрылись.

– Волоха!

Подошедший водитель открыл дверцу и посмотрел на отключившегося Василича.

– Готов?

– Как и было обещано. Порошок сильный и растворяется без осадка, не заметишь. До утра проспит, если вообще проснется. Вытаскиваем?

– Погнали. Темнеть начинает.

Вдвоем они легко вытащили худосочного Василича из машины. Гораздо труднее оказалось затащить его в кабину бульдозера и уложить позади сиденья. Волоха сел за руль, а Гортан занял место водителя в «Пасфайндере». Но они не торопились покинуть выбранное место. Только Волоха оставил бульдозер так, чтобы полностью перекрыть дорогу, и приподнял повыше отвал...

Звонок на трубку мобильного раздался уже через десять минут.

– Они мимо меня проехали. Помахали рукой, но не остановились. Что у вас? – спросил тот же голос с кавказским акцентом, что предупреждал о движении бульдозера.

- Все в порядке. Как по часовой стрелке отработали.
- Василич?
- Спит. У меня за спиной.
- Делайте.
- Сделаем.

Волоха убрал трубку, выбрался из работающего на холостых оборотах бульдозера, снял куртку и отнес в машину. Затем вернулся, залез на сиденье коленями, снял куртку и шапку с бульдозериста и нацепил все это на себя. После этого масляной тряпкой протер лобовое стекло, чтобы ухудшить видимость. Закончив подготовку, вернулся к машине, открыл переднюю дверцу и остановился рядом. Со стороны посмотреть, бульдозерист беседует с водителем. А Гортан, сидевший на месте водителя, протянул Волохе пистолет-пулемет «Скорпион»¹. Сам он держал такой же пистолет-пулемет на коленях. Так они и стояли, даже не разговаривая. И только когда из-за поворота выскочила «Газель», Волоха, глянув в ее сторону, махнул рукой, будто бы прощаясь с водителем внедорожника, и пошел к бульдозеру. Роста он с Василичем был одинакового, даже походку имел похожую, потому издали легко было спутать водителя «пасфайндера» с бульдозеристом.

Подъезжая, «Газель» не сбросила скорость, и бульдозер двинулся ей навстречу, слегка выворачивая вправо, якобы желая пропустить машину. Вслед за ним медленно тронулся и внедорожник. Хотя он и включил сигнал левого поворота, но обгонять «Газель» не стремился.

Все произошло достаточно быстро. При приближении микроавтобуса, бульдозер резко сдал влево, причем так неожиданно и молниеносно, что водитель «Газели» не успел среагировать, и она на разгоне врезалась в поднятый отвал, который тут же въехал в кабину, смяв всю переднюю часть со стороны водителя и заваливая микроавтобус набок. Когда бульдозер остановился, Волоха выскочил из кабины, запрыгнул на упавшую «Газель» и стал стрелять внутрь сквозь окна. Гортан через две секунды оказался там же и тоже успел пострелять, хотя стрелять, по сути дела, было уже не в кого. Он запрыгнул внутрь, один за другим вытащил четыре контейнера и передал их Волохе. Схватив по паре контейнеров, оба бегом устремились к «Пасфайндеру» и забросили их в багажник.

- Василич... – напомнил Волоха и поднял свой «Скорпион».
- Жалко мужика. Хороший человек.
- Он тебя сдаст.
- Сдаст, – согласился Гортан. – Но я не могу, иди ты...

В этот момент в «Газели» взорвался бензобак, и огонь перекинулся на бульдозер. Подступиться к нему было уже и сложно, и опасно. Волоха расстрелял остаток патронов прямо через обшивку кабины. Стрелял в то место, где оставил пьяного бульдозериста. После этого снял с себя куртку и шапку и бросил их в пламя.

Можно было ехать. Мощный трехлитровый дизель взревел при развороте всеми своими двумястами тридцатью одной лошадиными силами и рванул в обратный путь по дороге, которую Василич не успел до конца расчистить. Широкие восемнадцатидюймовые колеса с хрустом давили снег...

¹ Пистолет-пулемет «Скорпион», производится в Чехии. Имеет три основных боевых калибра: 7,65x17 мм, 9x17 мм и 9x18 мм (в спортивной модификации – 9x19 мм). Имеет высокую среднюю скорострельность – 850 выстрелов в минуту. Отличается компактными размерами. Длина со сложенным прикладом всего 27 см. Зарекомендовал себя надежным оружием в любых условиях эксплуатации и в разных климатических условиях. Среди недостатков специалисты отмечают невысокую эффективную дальность – около 25 метров. В сравнении с размерными аналогами за счет невысокой скорострельности (у «MikroUzi» и «Ingram M11», имеющих схожие размеры скорострельность до 1200 выстр./мин.). «Скорпион» отличается высокой кучностью при автоматической стрельбе. Среди аналогов по кучности уступает только российскому «ПП-2000». Считается удобным оружием для применения в закрытых помещениях, салоне автомобиля или самолета, и потому часто бывает использован террористами. Может оснащаться глушителем.

Километров двадцать пролетели молча. Не проехали, а именно пролетели. Как человек, бывает, бежит, не чувствуя под собою ног, точно так же мощный и тяжелый «Ниссан Пасфайндер» летел на высокой скорости, не чувствуя под собой колес. И только на перевале пришлось сбросить скорость. Здесь была проложена асфальтированная дорога, и она оказалась настолько скользкой, что ехать по ней быстро слишком опасно для жизни, тем более, с таким грузом – в контейнерах находилось около восьмидесяти килограммов золота, добытого на прииске. Ни Волоха, ни Гортан не знали стоимости металла на черном рынке. Они вообще раньше предпочитали с золотом не связываться, хотя у всех жителей России представление о Колыме, официально называемой просто Магаданской областью, прочно связано только и исключительно с золотом. Хотя среди полезных ископаемых области золото не является единственным предметом добычи, многие заняты на добыче олова, вольфрама, меди, молибдена, нефти, газового конденсата. Одна из самых важных профессий – рыболов, который золото видит только в виде обручальных колец. Да и другие, попросту говоря, крутые ребята, добывающие себе на жизнь не особо законными поступками, причем с оружием в руках, к золоту никакого отношения не имеют. Их попросту не подпускают к нему ингуши, контролирующие практически всю золотодобычу. В этот раз их подпустили, более того, обязали это сделать, чтобы отработать долг. Не выпуская из рук руль на перевале, где был вынужден сбросить скорость, Волоха позвонил по мобильнику и доложил:

– Абали Гирмасолатович, мы сделали дело. Встречайте нас.

– Хорошо. Я посылаю ребят. Можете не осторожничать, мои парни будут без оружия. Да вы с ними знакомы, это Джогириг Музарбеков с Музарбеком Нохаевым.

– Верю. Вам тоже не нужны осложнения, – ответил Волоха. – А Джо я хорошо знаю. Мы с ним в одном отряде² «отдыхали», правда, в соседних бараках. На чем они едут?

– У Музарбека «Инфинити» какая-то, внедорожник. Джогириг вашу машину знает.

Машины встретились через двадцать километров. Встречная «Инфинити FX50» просигналила фарами. «Ниссан Пасфайндер» точно так же просигналил фарами в ответ, поприветствовав «родственника»³ и остановился. Из подъехавшей «Инфинити» вышли два ингуша. Гортан сидел на заднем сиденье, сжимая под курткой, брошенной на колени, рукоятку пистолета-пулемета с опущенным предохранителем. Волоха вышел, пожал поочередно Джогиригу и Музарбеку руки и открыл дверь багажника. Ингуши имели, оказывается, коды для замков, поэтому легко вскрыли каждый контейнер и проверили содержимое. Волоха смотрел на золотой песок и на грязные, смешанные с породой, неровные пористые самородки почти равнодушно. Он не испытывал уважения перед «ржавчиной», но, тем не менее, очень удивился, что в двух контейнерах оказался не золотой, а простой песок вперемешку с мелкой галькой. Однако сами получатели контейнеров простому речному песку не удивились, контейнеры закрыли, перенесли в свою машину и уехали...

² Отряд – подразделение исправительно-трудовой колонии.

³ Американская автомобильная фирма «Инфинити» полностью принадлежит японской компании «Ниссан» и специализируется на выпуске люксовых автомобилей, которые поставляются, помимо американского рынка, еще в 35 стран мира.

Глава вторая

– И что... Ты сам, как мне сказали, к нам напросился? – Подполковник Шумаков, согласно солдатскому прозвищу, «подполковник Шумахер», командир батальона спецназа ГРУ, вопросительно поднял брови и наклонил голову, отчего смотрел поверх очков и, как получалось, слегка исподлобья. Потом пододвинул стул и сел за стол, постукивая по настольному стеклу кончиками пальцев, словно на пианино играл, или, скорее, набирал текст на клавиатуре компьютера. Ритм ударов был сбивчивым и отражал внутреннее состояние Шумакова.

– Так точно, товарищ подполковник. Только просился я не конкретно в батальон, а в бригаду. И буду считаться, наверное, бригадным священником, но это временно, пока второго не прислали. Я еще до такой должности не дорос ни по возрасту, ни по опыту. Но там, в бригадном городке, и будем храм строить. Я проект с собой привез, осталось только местные согласования сделать. А кто и где служить будет, это позже решится.

– Наверное, это кому-то понравится, – хмыкнул «подполковник Шумахер». – Относительно собственного отношения к данному вопросу распространяться пока не буду. А сюда-то из бригады какими, не пойму, судьбами?

– О вас, товарищ подполковник, зашел разговор. Командир бригады поинтересовался, и я рассказал, где служил. Вот сразу и отправили меня к вам на время вашей командировки, чтобы солдат в сложных условиях поддержать. Комбриг сказал, что у вас пост на дальней «точке», которому духовная поддержка требуется. Так что сначала к вам, а потом на дальний пост.

Подполковник помолчал некоторое время, оценивая ситуацию, и снова заговорил:

– Тебя, кажется, Юрием звали? Так мне твой бывший командир роты... хотя он у тебя командиром взвода был... доложил... А теперь как? Вам же новые имена дают во время этого, как его, обряда... Не помню, как называется...

– Во время обряда рукоположения.

– Да, рукоположения, правда, я какое-то другое слово слышал.

– Еще это называется хиротонией.

– Нет, другое что-то. На букву «и», типа инаугурации...

– Наверное, интронизация, товарищ подполковник.

– Вот-вот. Это я и хотел сказать.

– Интронизация – это возведение патриархом священнослужителя в епископский сан. Мне до этого, если Бог такое даст, далеко. А просто в священники возводят во время хиротонии. Сама хиротония – это обряд, во время которого происходит рукоположение. Но имя меняется не обязательно. Теперь меня можно называть отцом Георгием, а можно просто, по русской традиции, батюшкой. Последнее мне, товарищ подполковник, более привычно, потому что я полгода в деревенском храме заболевшего священника заменял и привык, что там все меня так звали. А вообще Юрий и Георгий – это одно имя. Во имя святого Георгия, покровителя воинства.

– Тебе, может быть, и нравится, когда тебя отцом или батюшкой называют, но мне это кажется немного странным. Не помнишь уже, наверное, как солдаты комбата в армии зовут? Как меня звали, когда ты служил?

– «Майором Шумахером», товарищ подполковник. Извините... Сейчас, наверное, «подполковником Шумахером».

Подполковник снова хмыкнул, теперь уже по другому поводу. Это прозвище ему тоже нравилось, поскольку отмечало некоторые его качества, которыми Сергей Владимирович гордился. Ездил он не на гоночных болидах, а всего-то на юрком внедорожнике «Джип Рен-

глер рубикон», но манеру езды имел ковбойскую, и на кочках его внедорожник скакал порой, как необъезженный мустанг, и точно так же «бил задом».

– А еще как комбатов зовут? По всей армии... Неужели не помнишь?

– Батя, кажется...

– Вот-вот... Батя! Отец, значит. Я – отец, ты – отец и батюшка. Так кто из нас отец солдатам, скажи мне на милость? Или ты считаешь, что отцов может быть много? Как воспитателей в детском саду или учителей в школе?

Священник промолчал, понимая, что, вступая в спор и что-то объясняя, будет только раздражать командира батальона. Он вовсе не для того сюда прибыл, чтобы преодолевать не обязательные препятствия. И без того желающих выставить их в службе армейских священников развелось необычайно много. А задавал в этом тон недавний министр обороны, знакомый солдатам под псевдонимом Табуреткин. Если младшие офицеры – лейтенанты, старшие лейтенанты, капитаны – нормально воспринимают и порой даже приветствуют появление священников среди солдат, то старшие, воспитанные когда-то комсомолом, чаще всего относятся к этому отрицательно. В них умерла боголюбивая традиция русской армии, но прочно укоренилась атеистическая традиция армии советской, а это были армии совершенно разные, хотя служили в них вроде бы те же самые люди...

В армию Юрия Коровина призвали сразу после окончания духовной семинарии, и служить он попал в спецназ ГРУ, как человек со спортивной подготовкой, некурящий, с хорошими характеристиками. И, как считал сам Юрий, определяющим оказалась его нервная устойчивость. Не случайно на медицинской комиссии в военкомате с ним долго, как ни с кем другим, беседовал психиатр. Отслужив год, даже дважды побывав на настоящей войне на Северном Кавказе, Юрий, вернувшись на «гражданку» с двумя медалями, сначала просто вошел в клир кафедрального собора, через некоторое время, как человек с семинарским образованием, был рукоположен в дьяконы, а через семь дней, как и положено, рукоположен в пресвитеры⁴. Стать пресвитером бывший солдат Юрий Коровин мог бы и в тот же день, как стал дьяконом, но на полном соблюдении чина настоял его отец, известный в области протоиерей. Он не любил современных скороспелых священников и хотел, чтобы все соответствовало уставу и его букве. Сын отца уважал и всегда подчинялся его воле. Сразу после рукоположения пришлось уехать на полгода в деревню, чтобы заменить выведенного за штат по состоянию здоровья иерея. Послали только на два месяца, но, как гласит старая прописная истина, не бывает ничего более постоянного, чем временное, так получилось, что срок деревенской жизни увеличился втрое. Сельский священник перенес одну за другой три операции, после которых в страданиях предстал перед Богом, и надо было ждать назначения нового священника, которому предстояло приехать в деревню на постоянное место жительства. Этот процесс и затянулся.

А потом был трехмесячный курс военных священников при одном из московских военных институтов. О вере вообще и о христианстве в частности в институте знали мало, в основном пытались научить священников хотя бы азам военной жизни, куда их направляли с благословления архиереев разных епархий. Все молодые священники, попавшие на курсы, проходили срочную службу в армии, но в разных родах войск, и имели разную армейскую подготовку. Те азы, что преподавались в институте, бывшему солдату спецназа ГРУ были смешны. По уровню подготовленности он мог и сам кое о чем читать лекции преподавате-

⁴ Согласно уставу Русской православной церкви, будущий священник обязательно должен сначала послужить клириком в соборе, только после этого он может быть рукоположен в дьяконы, а через семь дней его можно уже рукоположить в пресвитеры (священники). В современной действительности процесс этот ускоряется, человек может побыть дьяконом только несколько часов и в тот же день пройти чин рукоположения в пресвитеры.

лям института, именно поэтому и просил, чтобы направили его на духовное окормление⁵ армии туда, где он проходил срочную службу...

Иерей Георгий знал характер подполковника Шумакова, правда, больше по разговорам, которые доводилось слышать. Комбат был на поступки скор, решителен, иногда даже упрям, но, если не встречал сопротивления, быстро выпускал пар и становился относительно покладистым. Так и в этот раз получилось.

– Ну что, даст Бог, и меня к Вере приучишь, – сказал Сергей Владимирович, слегка успокоившись оттого, что с ним не спорили и не пытались возражать. – Пора уже мне по возрасту и о загробной жизни думать. Короче говоря, приказ пришел помещение тебе выделить. Но мы сами тут на птичьих правах у мотострелков базируемся, поэтому просторных помещений, тем более храмов, в запасе не имеем.

– Я в курсе, что первое время мне придется проводить службы на свежем воздухе.

– Зима на носу, неделя по календарю осталась. Не всегда на свежем воздухе получится, – усмехнулся подполковник. – Для службы тебе большую армейскую палатку поставим. Там места хватит. Много у нас солдат верующих? – Вопрос относился к капитану Столярову, сидящему за столом в углу. Как командир роты, он обязан был знать о своих солдатах все.

– Трудно сказать, товарищ подполковник, – уклонился капитан от прямого ответа. – В среднем по армии, насколько я знаю, шестьдесят процентов солдат называют себя православными верующими. Наверное, и у нас такое же соотношение. Но я среди солдат опрос не проводил. На базе, в городке, у меня регулярно шесть человек просили «увольнительную» по воскресеньям, чтобы в поселковую церковь на службу ездить. Как когда-то Коровин просил. Эти тоже регулярно молитвы читают, как он читал.

– Утреннее и вечернее правила, – объяснил отец Георгий.

– И еще несколько человек просили то же самое время от времени. Нательные кресты многие носят, кто крещеный. Я тоже, кстати, крещеный, и тоже крест ношу, хотя назвать меня, по-настоящему, верующим трудно.

– Меня тоже бабушка в детстве крестила, – признался подполковник. – Только крест я никогда не носил. У меня отец был ярый атеист и не позволил бы такого. Бабушка тайно от отца меня крестила. Но воспитывала не она, а отец, и потому... И потому – вот...

– Вообще, товарищ капитан, – прояснил ситуацию отец Георгий, – следует различать людей, которые просто говорят, что они верующие, и воцерковленных. Воцерковленные в церковь всегда ходят, и службу отстаивают полностью, как положено. А те, кто просто себя верующими называют, обычно приходят во время службы, свечку поставят и считают, что свечи за них молиться должны. Но это тоже, я считаю, шаг к вере. Самый первый шаг.

– А вот я, хм-м-м... так сказать, отец Георгий, ни разу такого шага не сделал. Правда, в церковь однажды заходил, постоял немного и ушел. Что толку стоять, если я ничего в службе не понимаю? И сомневаюсь, что уже смогу что-то понять. Может быть, другие поймут. Ладно, это все отвлеченные понятия. Давайте ближе к делу. Как мы тебя разместим? Прямо в казарме? Нам мотострелки один этаж своей казармы выделили, там все и живут, кроме штаба. А штаб прямо здесь, в кабинетах, по стандартам командировочных условий. Что там, в ротных условиях, капитан?

Столяров пожал плечами и предложил:

– Может, каптера переселить в казарму, а его закуток батюшке отдадим?

– А все имущество каптера куда?

⁵ Окормление духовное – пастырское попечение о спасении, заключающееся в духовном наставничестве и молитве. Окормление духовное есть особая форма пастырского служения, заключающаяся как в смиренном учительском действии пастыря, так и в содействующем ему действии благодати Божией.

- В углу ему загородку поставим, пусть все туда перетаскает.
- Сколько тебе времени понадобится, чтобы все подготовить?..
- Часа полтора. Может быть, быстрее управимся.
- Уговорил. Действуй. Мы с отцом Георгием через полтора часа подойдем. Раз уж уставлено в армии такое положение, следует его выполнять⁶.
- Разрешите идти, товарищ подполковник?
- Дуй, и сделай все, как надо. Солдат, кстати, предупреди, чтобы без казарменных фокусов...
- Об этом можно не предупреждать, – сказал отец Георгий. – Я к казарменным фокусам привык. Не попадусь⁷.
- Если батюшка на «точку» собрался ехать, ему обязательно следует какой-нибудь фокус подстроить, – усмехнулся капитан. – Солдат предупреждай не предупреждай, все одно устроят. Если они даже мне устраивают, то священник будет считаться их законной добычей. Правда, у нас трое контрактников осталось из тех, что отца Георгия помнят. Уже спрашивали про него.
- Относительно «точки» вопрос остается открытым. Там слишком опасное место для гражданских лиц. Посмотрим. Может, вместе съездим, чтобы под моим присмотром все было. Решим позже...
- Ты, отец Георгий, смотрю, багажом себя не балуешь? Всего две сумки – это и есть все твоё имущество?
- Мое имущество в одной сумке, товарищ подполковник. Во второй – книги для душевного чтения, специально для солдат привез. Комбриг обещал завтра машину прислать с остальным имуществом. Но там имущество не мое, а богослужebное. Все необходимое для проведения службы в походных условиях. Специальный мобильный компактный комплект, не слишком объемный, но тяжелый, потому и отправили с машиной.
- Ладно. Мне должна прийти машина с запасами для «точки», значит, и твои запасы там же. А мне почитать что-нибудь на ночь дашь?
- Можно что-то найти. Вам попроще?
- Поинтереснее!
- Отец Георгий раскрыл замок-«молнию» одной из своих хозяйственных сумок, сшитых из серой клетчатой стеклоткани, в таких обычно торговли на базар свой товар возят, покопался там и вытащил тоненькую книжечку.
- Вот это рекомендую. «Житие Преподобного Сергия Радонежского». Ваш сугубо персональный святой, товарищ подполковник, – покровитель вашего имени. Один из самых великих русских святых. С него пошло начало русской нации.
- Как так? А раньше?
- Раньше были отдельные княжества, воюющие между собой. С благословения святого Сергия, великий князь Дмитрий Иванович Донской объединил против Мамаю почти всю Русь, за редким исключением. После победы над ханом и образовалась единая русская

⁶ С 1 декабря 2009 года в Вооруженных Силах Российской Федерации введены должности помощника командира части по работе с верующими военнослужащими. Эта должность отнесена к гражданскому персоналу воинских частей и отводится для священников. При этом должности помощников командиров по воспитательной работе не упразднены, и военные священники не должны дублировать их действия.

⁷ Система подготовки солдат спецназа ГРУ во многом основывается на постоянном ощущении себя в опасности. Это приучает бойца в боевой обстановке не попадаться в ловушки противника. Так, новичок в казарме увидит на своей тумбочке яркий красивый журнал, возьмет в руки, и тем самым активирует взрывпакет. Протягивание проволоки, имитирующей «растяжку» в самых тесных и темных углах казармы, является привычным и самым безобидным делом. Молодой боец спотыкается, и опять активируется взрывпакет. Казарменная жизнь солдат спецназа ГРУ предусматривает множество таких элементов. Научившись не попадаться в казарме, солдат не попадается на уловки противника и в боевой обстановке.

нация, опять же с благословения Сергия Радонежского. Поэтому его чтят как величайшего русского святого и называют «игуменом всея Руси».

– Я, вообще-то, помимо военного училища заканчивал еще и исторический факультет университета, но про такое толкование создания нашего государства слышу впервые. Это ты сам, отец Георгий, придумал или позаимствовал откуда-то?

– Откуда-то позаимствовал, хотя точно не помню, откуда именно. Но это подтверждается и историческими событиями.

– Ну хорошо. Тогда ответь мне вот на такой вопрос. Как историк по образованию я ответы знаю, и ты ответь как священник. Как Бог допустил, чтобы идолопоклонники и огнепоклонники татары и монголы несколько столетий угнетали христианскую Русь?

– Ну, товарищ подполковник, это совсем простой вопрос, многократно уже обсуждаемый и рассмотренный со всех сторон. На него ответ можно найти еще в Библии. Ведь Господь наш постоянен, бесстрастен и неизменен. Он установил принципы, которые мы, верующие, называем заповедями. Когда древние евреи в очередной раз предавали Господа своего, когда они нарушали его заповеди, он снова и снова карал их народ. Именно поэтому целые поколения евреев выросли в вавилонском плену. И только возвращение к Господу позволило им снова воссоздать свое государство. То же самое и с Русью происходило, многие святые пророки и старцы предрекали беду близкую и неминуемую, ежели князья не прекратят братоубийственные распри. На них пророчества не действовали, как не действовали на еврейский народ предупреждения древних пророков. Вот и явилась беда, пришли Чингисхан с Мамаем. И только это заставило народ сплотиться, осознать себя единой русской нацией, а не жителями отдельных княжеств.

– И, конечно, только возвращение к Вере, и так далее, и тому подобное... – слегка съехидничал подполковник. Но это было не следствием порочности самого Сергея Владимировича, а только следствием многолетнего атеистического воспитания.

– Я в этом не сомневаюсь, товарищ подполковник, – уверенно проговорил отец Георгий.

– Пусть так... Пусть так... Тогда скажи мне, как здесь аналогию вывести с нашествием фашистов? Вот ты вроде бы даже как закон общественной жизни предлагаешь. Я понимаю, что это не ты придумал, тем не менее, ты его отстаиваешь.

– А разве нашествием фашистов Господь не наказал нашу страну за богоборчество, за уничтожение храмов и десятки тысяч погибших в лагерях и расстрелянных священников?

– Тем не менее мы победили, и стали сильнее, чем до войны! Какое же это наказание?

– Но какой ценой победа была достигнута? Какими потерями, товарищ подполковник, какими разрушениями! Самое прямое наказание. Народ был наказан потерей лучших своих сыновей, потому что на войне всегда происходит неестественный отбор – смерть забирает тех, кто сильнее и храбрее, кто первым в атаку поднимался.

– Почему же тогда Гитлеру не удалось нас до конца победить, поработить, как удалось то же самое Батыю? Кто-то нормировал наказание?

– Нормировать его может только тот, кто его посылает, товарищ подполковник.

– Тем не менее это все недоказуемо, и потому воспринимать твою теорию как общественный закон невозможно.

– Если посидеть над документами, и некоторые люди делали это, то закономерность выглядит вполне убедительной. Убеждаться не желают только люди, которые категорически не хотят Господа в сердце принимать.

– Атеисты, как я.

– Вы, товарищ подполковник, как и многие, мне кажется, только играете в атеиста. В действительности вы готовы к тому, чтобы Веру воспринять. Я вообще на атеистов смотрю иногда с любопытством. В последнее время по телевидению много раз эта тема проходила.

Атеистов и священников лбами сталкивают. Атеистам дают высказаться, а то, что священники говорят, вырезают. Это политика нашего телевидения, причем многих каналов. Но я смотрю на атеистов, особенно на злобствующих, и понимаю, почему так происходит. Они бы согласились Бога принять, но боятся. Мне недавно одна женщина в поезде сказала: «Я не знаю, есть ли загробная жизнь. Но лучше бы ее не было». Это все о злобствующих атеистах. Они боятся того, что Бог есть, и именно потому злобствуют. От страха. Понимают, что им, признав Бога, придется от себя и своих жизненных принципов полностью отказаться. В большинстве они просто негодяи, хотя и с известными именами. И им невыносимо будет признать, что они всю жизнь прожили напрасно. Наверное, они Священное Писание тоже читали и знают, что Господь может все грехи простить, даже самые страшные. Главное, чтобы человек покался. Ведь не случайно первым в рай взошел не кто-то из праведников, а разбойник, распятый справа от Христа. Он покался там же, на кресте. И самые лютые атеисты это знают. Но, чтобы в Христа поверить, им необходимо свою гордыню победить, а этого они сделать не в состоянии. Она лезет из них, она их полностью пропитала и воняет. Серой воняет...

– А кто тебя знает, может, ты и прав, – улыбнулся вдруг Шумаков. – Но давай сходим в казарму, посмотрим, что там для тебя готовят. Может, подскажешь что.

– Пойдемте. А я вам по дороге притчу про атеиста расскажу.

Они покинули кабинет, который подполковник закрыл своим ключом, спустились на первый этаж, прошли мимо дежурного по мотострелковому полку и вышли на высокое крыльцо. Отец Георгий тащил две сумки в одной руке. Одна из них была с личными вещами и казалась легкой, вторая, с книгами, тяжелой. И если взять их в каждую руку, сумка с книгами перевесит. Гораздо проще две сумки с руки на руку перебрасывать.

– Рассказывай свою притчу, – предложил полковник. – Нам сорок метров до казармы идти.

– Притча короткая. Гулял атеист в горах, природой любовался, цветочки горные рвал. Зазевался от красоты окружающей и сорвался со скалы. Но в последний момент успел зацепиться пальцами за камень. Висит так, а рядом никого нет, кто помог бы ему. Внизу пропасть, горный поток камни там ворочает. И камень, на котором атеист повис, шатается, и пальцы разжимаются, сил уже нет держаться. Взмолился атеист: «Господи, если ты есть, спаси меня. Я буду в тебя верить!» И услышал вдруг голос: «Я спасу тебя, но ты же обманешь. И верить не будешь». – «Буду, буду, Господи, только спаси... Я уже верю...» «Ну, хорошо, – сказал Господь. – Тогда разожми пальцы». – «Что я, дурак, что ли?» – возмутился атеист.

Подполковник Шумаков ничего не сказал, только слегка улыбнулся.

Они уже подошли к четырехэтажному зданию казармы...

Глава третья

– Ну так что мы имеем от этого простреленного погорельца?

Валерий Львович Ладейщиков, старший следователь по особо важным делам Следственного комитета по Магаданской области, привычный больше к свободной гражданской одежде, всегда чувствовал себя неуютно в мундире. Ощущение у Валерия Львовича было такое, словно ему на шею нацепили, как собаке, жесткий и натирающий шею ошейник. Потому он часто водил головой, стараясь вывернуться из воротничка рубашки, а иногда запускать под воротничок палец, словно протирал воротничок по окружности. Работать в своем кабинете старший следователь не любил как раз по той причине, что новый начальник Следственного комитета, переведенный в Магадан из Москвы и наделенный московскими привычками и нравами, требовал от сотрудников обязательного ношения мундира на службе, что при прежнем руководстве считалось вовсе не обязательным. Вот в командировке Валерий Львович чувствовал себя вполне прилично, когда носил свой старый теплый свитер с высоким и толстым «хемингуэевским» воротником, который и от холода спасал, и шею не натирал. В командировках следователь просто отдыхал душой и телом. Там и работалось лучше, там удавалось сосредоточиться непосредственно на расследуемых делах, тогда как в кабинете из-за проклятого мундира сосредоточиться ему было трудно.

Сейчас полковник Ладейщиков находился не в своем кабинете, но собирался туда вернуться под конец рабочего дня, потому и не переоделся в гражданскую одежду, отправляясь в здание областного управления ФСБ, хотя она висела в шкафу его кабинета, и возможность переодеться у него была.

Следственная бригада в первой половине дня выезжала на место преступления. Туда они добрались почти благополучно, почти без происшествий, если не считать происшествиями несколько кратковременных остановок, во время которых приходилось толкать машины. Хороших и мощных внедорожников Следственный комитет в своем гараже не имел. Да если бы и имел, то даже в самый большой внедорожник следственную бригаду не поместишь. Ехали на двух «уазиках» и микроавтобусе вместе с операми из ФСБ, на которых и была возложена оперативная работа по этому делу. «Уазики», как обычно, с трудностями дороги справлялись, а вот микроавтобус «Фольксваген» делался явно для немецких автобанов, а не для российского бездорожья. На занесенной метелью дороге он часто пробуксовывал и несколько раз застревал.

Впрочем, вытаскивание общими усилиями транспорта, в сравнении с затратой времени на весь путь, не много лишних минут отняло. Враскачку, да на малых оборотах микроавтобус выбирался из сугробов, образующихся на самой трассе «зимника», и наконец-то доехали до нужного места. Помогли парни из районной полиции, которых вызвали в первую очередь. Ребята опытные в общении с погодой, поэтому сразу вызвали вторую машину, которая привезла им две большие палатки, которыми они, как чехлом, накрыли сгоревшие микроавтобус «Газель» и бульдозер «Т-180». Там же подобрали из сугроба пострадавшего, но все же оставшегося в живых бульдозериста. Бульдозерист чуть-чуть поджарился в своей горящей машине, но сумел выбраться, несмотря на то что получил три пули прямо сквозь обшивку кабины. Две пули угодили в ягодицы, одна в бедро. Воссесть за рулем бульдозера этот человек еще долго не сможет, Впрочем, как и вообще сидеть, а вот показания дать может, даже лежа на животе. И потому начальник районного отдела полиции сразу выставил у больницы палаты, куда его поместили, двух полицейских в качестве охраны. Свидетель важный, может быть, единственный. О том, что свидетель жив, решено было никого не оповещать.

Обязанности по приезду распределили сразу. На месте расстрела машины, перевозящей золото, осталась работать следственная группа Следственного комитета вместе со следственной группой ФСБ, под общим руководством старшего следователя по особо важным делам Ладейщикова, а прибывшие вместе с ними оперативные работники ФСБ отправились в больницу допрашивать бульдозериста и к хозяину прииска. Вопросы были и к тому, и к другому, причем вопросы серьезные. Существовала надежда, что их показания могут привести на след. Опера ФСБ поехали на «уазике», пообещав вскоре вернуться. Но работа следственных бригад закончилась раньше, чем они вернулись. Задержка была вызвана тем, что бульдозериста оперировали, и пришлось дожидаться, когда он более-менее отойдет от наркоза. Впрочем, врач-анестезиолог сказал, что это недолго, поскольку бульдозерист в момент операции был мертвецки пьян, и потому наркоз его почти не брал. Операцию делали, можно сказать, без наркоза. Но бульдозерист перенес ее молча, чем вызвал уважение медицинских работников. Опера остались ждать, а Валерий Львович созвонился со старшим из них, майором Лохматым, и договорился, что опера приедут в Магадан самостоятельно, благо их машина позволяет не бояться тяжелых условий, и сразу позвонят Ладейщикову, чтобы передать сведения. Они позвонили, и Ладейщиков приехал. А еще предстояло своему начальству докладывать результаты. Новое начальство дотошное, много вопросов задает...

– Ну так что мы имеем от этого простреленного погорельца, Василий Иванович?

В кабинете пока находился только один старший лейтенант Супротивников, опер областного управления ФСБ, готовый доложить Ладейщикову результаты допросов.

– Я только в общих чертах знаю. Сам я ездил начальника прииска допрашивать, а бульдозериста допрашивал майор Лохматый, но, в общем, рассказать могу.

– А сам Николай Петрович когда вернется?

– Вот-вот. К ментам поехал, справки кое-какие привести после допроса бульдозериста. Он по возвращении сразу сюда зайдет и все подробно расскажет.

– Тогда давай по порядку. Директор прииска или начальник прииска, кто он там... Раньше, при советской власти, все было понятно, теперь все по-разному называются, кто во что горазд. Некоторые вообще предпочитают быть генеральными менеджерами. Слов попонятнее придумать не могут, – ворчал Ладейщиков, в очередной раз протирая пальцем воротник своей форменной сорочки. Шея уже болела.

– Вот-вот... Именно так, товарищ полковник. Бекхан Дошлукаевич Музарбеков, генеральный менеджер и, одновременно, почти единоличный хозяин прииска «Зерновой». Ему больше восьмидесяти процентов акций там принадлежит.

– Ингуш?

– А разве у нас бывают другие владельцы приисков?

Вопрос старшего лейтенанта остался без ответа, потому что ответа и не требовал, поскольку вопрос относился к известным всем фактам. А Супротивников тем временем продолжил:

– Согласно акту, на пункт приема было отправлено семьдесят девять килограммов, восемьсот сорок семь граммов золота в песке и мелких самородках. Инкассаторы получили контейнеры уже закрытыми и запечатанными. Инкассаторы у прииска свои. Машина тоже своя, бронированная, как и полагается, полностью отвечающая всем требованиям и техническим условиям, но у нее буквально в ночь перед перевозкой вытекло все трансмиссионное масло из коробки передач. Вывинтилась пробка, и масло стекло. Без масла коробка передач не переключается. Бекхан Дошлукаевич считает, что это совпадение. Пробка, видимо, давно начала вывинчиваться, а вылетела именно в тот вечер. Хозяин прииска как лицо пострадавшее, не хочет верить, что кто-то из его людей мог подстроить такую неприятность. Сам он, конечно, проявил халатность, отправил контейнеры с охраной на простом небронированном микроавтобусе «Газель». Обвинение в халатности Музарбекову мы предъявить с натяжкой

сможем, даже предъявим, хотя я заранее могу сказать, как отнесутся к этому суд и прокуратура. Давление на них будет мощное. Но предъявить мы можем. Даже при том, что он – пострадавший. Иду дальше... При транспортировке на такие незначительные расстояния золото обычно не страхуется. Не было, естественно, застраховано и в этот раз. Убыток громадный. Прииск на грани банкротства, хотя мне не слишком понравилось, как спокойно ведет себя в данной ситуации Бекхан Дошлукаевич. Может быть, это просто мужество горца, может быть, восточный фатализм, а может, и что-то другое, не знаю. Будем искать. Хотя вариантов поиска у нас почти нет. Главный вариант – найти того, кто пробку вывинтил из коробки передач. Оперативная группа выехала на прииск. Сейчас, наверное, уже добрались, если метель их не остановила, и опрашивают людей.

– Причастность самого Музарбекова к ограблению...

– Не создается у меня такого впечатления, что он причастен, хотя гарантий дать не могу. Среди инкассаторов погиб его родственник, двоюродный брат, который приехал в Магадан всего две недели назад и сразу устроился на прииск к Бекхану Дошлукаевичу. Обычно среди представителей кавказских народов родственные отношения ставятся весьма высоко. Думаю, не послал бы брат брата на гибель.

– По владельцу прииска все?

– Пока все. Теперь надо ждать, что скажет оперативная группа. Если будет что интересное, я позвоню.

– Ладно. Майор Лохматый когда вернется?

– Как только добудет сведения.

– Что за сведения?

– По результатам допроса пострадавшего бульдозериста. Я вкратце перескажу, что мне известно, чтобы время не тянуть, и вас, товарищ полковник, не задерживать. Бульдозерист, Афанасий Васильевич Афонин, которого все в округе знают просто как Василича, и мало кто вообще слышал его имя и фамилию, кроме кассирши в кассе, где он зарплату получает. Выехал, как выезжал каждый день на чистку «зимника». Специалист он, говорят, великолепный, лучший чуть ли не во всей области, дорогу, как утюгом, гладит. Хотя и любит во время работы злоупотребить кое-чем из крепких жидкостей. И не только во время работы. Трезвым его, говорят, давно никто не видел, как, впрочем, и пьяным. Всегда навеселе, но не пьян. На качестве работы его пристрастие обычно не сказывается, и потому начальство на такие мелочи глаза закрывало. Считало, север, здесь положено греться изнутри, а не снаружи. – Старший лейтенант говорил, как обычно, и действовал, вдумчиво и неторопливо, одновременно и сообщая информацию, и размышляя при этом. – Сам Василич, как наркоз отошел, рассказал майору Лохматому, как дело было. Поехал он, как обычно, работать перед метелью. Перед метелью технология особая, дорогу укатывать отвалом следует так, чтобы она плотной стала, тогда свежий снег с плотно укатанного наста легче сниматься будет. Видит, стоит машина. В марках Афанасий Василич не разбирается, знает только, что иномарка, внедорожник. Машина колесо проколола, и рядом с ней двое стоят. Одного Афанасий Василич узнал. Он несколько месяцев назад тоже на прииске работал. Зовут его Гортан. Это кличка, но мы уже выяснили – Гортанов Вячеслав Алексеевич, уголовник с тремя ходками еще в советское время, но все три по двести шестой⁸. Вроде бы ограбление инкассаторов, перевозящих золото, не его профиль. После распада СССР на зону не навевывался, хотя около года назад в Санкт-Петербурге уголовное дело было открыто по статье за рейдерство и попытку захвата чужой собственности, но ему удалось уйти в сторону как свидетелю. В последний год был замешан в каких-то делах с китайцами во Владивостоке. Есть на нем еще что-то, связанное с рыболовным флотом, но все без доказательств. Контакты с Японией, продажа

⁸ Статья 206 УК РСФСР предусматривала наказание за хулиганство.

рыбы в открытом море, минуя всякие таможенные процедуры и квоты на экспорт. Но там тоже все бездоказательно, одни расчеты и предположения. Вот майор Лохматый и поехал собирать на него сведения. В нашем областном МВД ничего на этого Гортана не было, и они запросили федеральное досье.

– Это я понимаю. Досье – дело хорошее. Мог бы и через нас запросить то же самое, чтобы мне не ездить лишний раз. Или сам через Интернет запросил бы.

– Николай Петрович хотел вообще поговорить в МВД относительно ингушей и криминальной обстановки на приисках, чтобы более подробную картину иметь.

– Ладно. А что там-то произошло?

– Все просто. Попросили Василича помочь колесо сменить, водитель домкрат в гараже забыл. На бульдозере своего домкрата нет, там гусеницы почему-то не прокалываются. И наш Василич выполнил бульдозером сложнейшую операцию. Отвалом внедорожник снизу подцепил и приподнял угол, чтобы колесо сменили. После этого, в расплату за помощь, ему налили пятьдесят граммов спирта. Выпил, и ничего больше не помнит. В себя пришел, на нем одежда горит, бульдозер горит, и «Газель» уже догорает. Выбрался из бульдозера в сугроб, повалился по снегу, пламя сбивая, и снова сознание потерял. Очнулся уже в больнице.

– С полста граммов вырубился? – переспросил Ладейщиков. – Опытный алкаш? Не поверю!

– Майор Лохматый тоже не поверил и велел провести полную экспертизу – кровь, мочу, что там в бутылке было намешано. По вкусу, как Василич говорит, чистый спирт, только чуть сладковатый, как древесный. Но бутылка была от питьевого, это он помнит. Сам Гортан при нем не пил, только угощал. Водитель тоже не пил...

В этот момент запрыгала, сотрясаясь от звонка, трубка мобильного на столе старшего лейтенанта. Тот глянул на определитель.

– А вот и сам майор Лохматый, легок на помине. – Нажал кнопку ответа и поднес трубку к уху. – Слушаю, товарищ майор. У меня вот сидит полковник Ладейщиков, вас дожидается. Так, так, так... Понял. Я сейчас дежурному звоню и с ними выезжаю. Понял. Хорошо. Заедем.

Старший лейтенант отключился, но трубку положил уже не на стол, а в чехол на поясе, открыл шкаф и достал оттуда бронежилет.

– Что там? – потребовал объяснений Ладейщиков.

– Нашли Гортана. В маленькой частной гостинице проживает. Майор Лохматый уже вызвал группу захвата. Я с ними выезжаю.

– Я без бронежилета, а то отправился бы с вами с удовольствием. Там, думаю, без стрельбы не обойдется, – с видимым облегчением вздохнул Ладейщиков. – Как завершите, звони мне. Приеду допрашивать.

– Если можно, товарищ полковник, попозже... Скажем так, домой съездите, поужинаете, и только потом уж... А лучше вообще завтра утром.

– Почему так? – не понял старший следователь.

– Беда в том, товарищ полковник, что у вас в Комитете есть строгие правила по проведению допросов, адвокат обязательно нужен. А у нас допускается экспресс-допрос в связи с оперативной необходимостью. Редко такой тип подворачивается, который говорить не захочет. Но и такого заставляем. В крайнем случае, можем спецсредства применить. Вообще-то их применение регламентируется приказом начальника управления, но, если есть оперативная необходимость, все можно, и даже все нужно. Без этого мы оперативно сработать не успеем, и восемьдесят килограммов золота уйдут куда-нибудь, где мы уже не достанем.

– Тогда будем прощаться до утра, – с улыбкой согласился старший следователь и встал из-за стола...

Метель и сам Магадан достала. Снег и ветер гуляли по улицам с превеликим удовольствием, перелетая с сопки на сопку и засыпая снегом улицы между сопками. А весь Магадан из одних сопкок, по сути дела, и состоит.

Вся снегоуборочная техника города во всеоружии выкатилась на улицы. Это, конечно, сильно затрудняло и без того затруднительную дорожную ситуацию, тем не менее группа захвата ехала на двух микроавтобусах без включенных проблесковых «маячков» и без звукового сигнала, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания – так майор Лохматый распорядился. На поворотах микроавтобусы заносило из-за предельной для таких условий скорости, но все обошлось, и в аварию никто не угодил, хотя возможность была реальная. На одном из последних поворотов второй микроавтобус задом вынесло на полосу встречного движения, но встречный грузовик успел перестроиться правее и избежал столкновения.

– Что сам полковник с тобой не поехал? – спросил майор Лохматый, потирая прихваченный морозцем нос.

– Бронежилета, говорит, у него с собой нет, – хмыкнул старший лейтенант. – Мы с ним вообще договорились, что только к утру его вызовем. Надо допрос провести без помех, а то заберут голубчика к себе, и нам опять ничего не останется, кроме чужих протоколов. Лично я больше люблю живое общение, чем чтение документов.

– Это ты правильно сделал, – согласился майор.

Небольшую частную гостиницу «Парус» нашли достаточно быстро. Гостиница была за высоким забором из листов профнастила, что, конечно, мешало одновременному проникновению на территорию группы захвата. Но с торца вход все же был. Решать, как действовать, предстояло сразу.

– Шесть человек, Николай Петрович, я пошлю через забор во двор, чтобы окна и возможные другие выходы блокировать, – предложил капитан Лончаков, командир группы захвата. – С остальными – напролом.

– Флаг тебе в руки, – кивнул Лохматый.

Микроавтобусы сначала проехали мимо гостиницы, на перекрестке развернулись и остановились, не доезжая до нужного здания метров пятьдесят. Лончаков вышел ко второму микроавтобусу, чтобы отдать распоряжения. Шесть бойцов группы, выслушав приказ, сразу устремились по тротуару в сторону темно-красного забора, на ходу раздвигая короткие телескопические лестницы, привезенные с собой. Сам профнастил слишком тонкий, чтобы можно было через такой забор без проблем перебраться, металл и гнется, и режет руки, и еще гремит. Поэтому решили использовать лестницы, которые группа захвата всегда с собой возит, благо в собранном виде они много места не занимают. Когда подбежали к забору, лестницы уже были раздвинуты на нужную, не полную длину. При необходимости они позволяли забраться в окно третьего этажа стандартной жилой пятиэтажки. Но сейчас все оказалось проще. Один за другим бойцы перепрыгнули во двор, оставив лестницы снаружи. Еще двое бойцов тут же унесли их к микроавтобусу и спрятали в салон.

– Первый, мы на позиции! – раздался в переговорном устройстве голос капитана Лончакова.

– Понял. Мы идем...

Микроавтобусы неторопливо проехали вперед и остановились на небольшой парковке рядом с гостиницей. Старший лейтенант Супротивников и майор Лохматый еще и выбраться со своих мест не успели, как группа захвата, быстро сдвинув двери в сторону, устремилась вперед, занимая позицию на крыльце по обе стороны стеклянной двери. Капитан толкнул ее, но она оказалась закрытой. Тогда он нажал на кнопку домофона, и та засветилась тусклым красным светом, едва видимым со стороны из-за метели. Разговора капитана Лончакова с кем-то внутри слышно не было, к тому же майор Лохматый со старшим лейтенантом Супротивниковым отвлеклись, глядя на парковку, где рядом с микроавтобусами группы захвата

стояли две машины – старый, побитый «Мицубиси Лансер» и мощный внедорожник «Ниссан Пасфайндер».

– Не про эту ли машину нам рассказывал бульдозерист? – спросил старший лейтенант. Майор Лохматый заглянул под задний бампер «Пасфайндера».

– На девяносто процентов, тот самый. Запаски на месте нет⁹. Подозреваю, в гостинице и напарник Гортана остановился. Нельзя упустить...

⁹ У внедорожника «Ниссан Пасфайндер» запасное колесо крепится снизу под багажником.

Глава четвертая

Комнатушка, соседствующая с умывальником и туалетом, была небольшой по размерам, никак не больше двенадцати квадратных метров, но имела кровать и полки. Правда, полки уже начали разбирать солдаты, чтобы перенести и установить в новом, наскоро сделанном и отдельном от казармы помещении. Из угла казармы перенесли куда-то в сторону несколько кроватей вместе с тумбочками, и сам угол отгородили каркасом из легкого деревянного бруса, который, в свою очередь, обили листами фанеры, не достающими до потолка, но превышающими человеческий рост на метр. Потолок решили не делать за ненадобностью. Кроме того, без потолка в закуток, не имеющий окна, попадал свет от подвешенных к высокому потолку светильников. Значит, и освещение лишнее проводить не требовалось, поскольку верхний свет в казарме выключался только на ночь, и оставался лишь дежурный рядом с тумбочкой дневального. Это и было наскоро сооруженное помещение для ротного каптера. Хорошо, что у каптера в запасе листы фанеры нашлись. Изначально командир роты капитан Столяров предполагал для обивки каркаса использовать брезент от старой палатки.

Отец Георгий знал еще до прибытия на место, что в командировку отправлены две роты, но эта казарма была рассчитана только на одну. И потому, осмотревшись и прикинув объем помещения, обратился к комбату:

– Товарищ подполковник, здесь, как я понимаю, только моя бывшая рота размещена. Но это же не весь личный состав отряда? А вторая рота где?

– Все-то ты знаешь... батюшка... На вторую роту здесь места не хватило, мы пока устроили ее в клубе комендатуры. Я, конечно, понимаю, что это все твоя паства, но не все же сразу тебе показывать. Потерпи до утра. До комендатуры полтора километра пешего хода, и связь с ними только по рации или по мобильнику. Там тоже, кажется, верующие есть, и своя часовня построена. Местный батюшка из городка приезжает, службы проводит.

– Молебны, товарищ подполковник, – поправил иерей. – Служба проводится только в храме, или на специально оборудованном открытом месте, если храма нет, или в помещении, храм заменяющем. А в часовне проводится молебен.

– А молебен – это что, не служба?

– По большому счету, тоже служба. Только в обиходе службами называют главные богослужения – Всенощное бдение, Божественную литургию и другие. В часовне же не бывает алтаря, поэтому большие службы там проводить нельзя. Но я рад, что здесь поблизости хотя бы часовня есть. Если вы не против, я завтра с утра во вторую роту отправлюсь. И хорошо бы местного батюшку навестить, он меня введет в курс дела.

– Мне-то что... Отправляйся. Капитан Столяров тебя проводит. Вторая рота – это не дальняя «точка», можно без охраны добраться. Капитан дорогу и покажет, а если занят будет, вон, старший лейтенант Красота его заменит. Помнишь его? – кивком головы показал подполковник на старшего лейтенанта, командующего «фанерными делами».

– Я его лейтенантом помню. Вторым взводом командовал.

– Он и сейчас вторым командует. Только лишнюю звездочку получил. Красота!

– Я, товарищ подполковник.

Старший лейтенант, сухощавый и всегда нахмуренный из-за того, что очень хотел выглядеть серьезным и авторитетным, деятельным и деловым, тут же оказался рядом.

– Помнишь отца Георгия?

– Я помню рядового Коровина, товарищ подполковник. В священническом чине мне его трудно воспринимать. Я ведь законсервированный воинствующий атеист, и вообще к Чарльзу Дарвину, в частности, и к теории эволюции, в общем, как человек грамотный и даже с небольшим высшим образованием, отношусь с превеликим уважением.

– Я тоже атеист, тем не менее, воспринимаю, и Дарвина тоже слегка воспринимаю. Но позволяю людям вне службы свои собственные убеждения иметь.

– Извините, товарищ подполковник, – вмешался в разговор отец Георгий. – Касательно теории Дарвина можно товарищу старшему лейтенанту задать вопрос?

Комбат кивнул, с любопытством наблюдая за тем, что принесет разговор воинствующего атеиста и священника. Может быть, рассчитывал в этом разговоре что-то и для себя почерпнуть, чтобы ту или другую сторону обоснованно принять.

– Товарищ старший лейтенант будет утверждать, что человек произошел от обезьяны?

– Буду утверждать. От человекообразной обезьяны.

– Отдельные люди точно произошли от обезьяны, – заметил иерей. – С этим трудно не согласиться, особенно когда по телевидению нашу российскую эстраду видишь. И не только эстраду. Но большинство людей с этим согласиться не пожелают. И даже обезьяны не пожелают.

– Это утверждение обезьяны? – с вызовом спросил старший лейтенант.

– Это утверждение здравого смысла. Теория эволюции права только в том, что все постоянно развивается. Постоянно развивалась и обезьяна, становясь самым приспособленным к жизни существом на земле. За счет своей сообразительности и легкомыслия, она умела и умеет адаптироваться к любым условиям существования. И жилось, и живется обезьяне совсем не плохо. Зачем ей нужно было становиться человеком и сталкиваться с трудностями существования и проблемой выживания? Это была бы регрессия в развитии. Такая регрессия, которая противоречила бы самой теории Дарвина. Это, кстати, не я сказал. Это сказал один из ближайших друзей и изначальных соратников самого Дарвина – доктор Уоллес. Осознав принципиальную ошибку Дарвина, Уоллес стал его ярким противником, и еще тогда доказал несостоятельность теории эволюции в том виде, в котором Дарвин ее преподносил. И дело не только в происхождении человека. Гораздо более значительные проколы в теории эволюции наблюдаются в происхождении и перерождении видов. Дарвин утверждал, что со временем археология найдет недостающие звенья, доказывающие существование промежуточных видов. Но археология не смогла до сих пор найти то, чего не существует. Нет ни одного доказательства верности теории эволюции.

– А доказательства существования Бога? – криво усмехнулся старший лейтенант.

– Я мог бы вам много конкретных примеров привести, но их такое множество, что даже утруждать себя не стоит. Вы и сами, наверное, и сталкивались, и читали и о чудесных исцелениях, и о других чудесах. Могу только совсем свежий пример привести из собственного опыта. Я сюда ехал в купейном вагоне. Зима на носу, поезда наполовину пустые. Со мной в купе какой-то абхазский капитан оказался. Он сразу, как сел, выставил на стол две банки с пивом, а потом порошок какой-то проглотил. Я думал, лекарство. Хотя лекарства пивом обычно не запивают, но у людей всякие причуды бывают. Выпил он свое пиво, постель постелил и лег. Сначала вроде бы уснул, а потом вскакивать начал, орал, на меня таращился. Я-то понял, что он наркоман, к тому же агрессивный. Но не умирять же его с помощью кулаков? Это все равно бесполезно. А что ему могло ночью в голову прийти, когда я усну, и предположить было трудно. И тогда я стал молиться. Мысленно, конечно, но горячо, от всего сердца. Просил Господа избавить меня от такого соседства. И вот на первой же большой станции капитан этот вскочил, торопливо оделся и на перрон выбежал. Я, каюсь, сам не надеялся на такой отклик Господа. Подумал, он за пивом побежал. Но поезд тронулся, вещи капитана остались на месте, а он не вернулся. И только на следующей станции полицейский в купе зашел за его вещами. Оказывается, капитан вышел на перрон, сделал несколько шагов, упал и сразу уснул. Хорошо хоть билет у него в кармане был, полиция по билету вещи его с поезда и сняла.

– Это какое-то совпадение, – отмахнулся старший лейтенант Красота. – Ты же сам, Коровин, сказал, что он наркоман. Кто знает, что с наркоманом случилось...

– Каждый волен думать так, как ему хочется, – стоял на своем отец Георгий. – Но я-то знаю, что произошло, и никаких сомнений по этому поводу не испытываю.

– А я испытываю. – Красота уступать не хотел. Тем более что рядом стояли солдаты и слушали разговор. При них оказаться побежденным в споре старший лейтенант не желал. – И товарищ подполковник наверняка тоже испытывает.

– А ты за меня не решай, – строго проговорил «подполковник Шумахер». – Я сам еще не знаю, в какую сторону мои сомнения направлены. Подойдет время, сам решу. Кроме того, как командир батальона, я обязан выполнить приказ – принять и во всем содействовать помощнику командира бригады по работе с верующими военнослужащими. Отец Георгий у нас теперь занимает должность помощника комбрига. Прошу всех это учесть, и тебя, старлей, тоже.

Старший лейтенант притих, поскольку как человек сугубо военный к приказам свыше всегда относился трепетно.

– А мою новую каптерку, батюшка, освящать будете? – откуда-то сбоку вынырнул каптер с ефрейторской лычкой на погоне.

– Только завтра, – пообещал иерей, – когда машина с церковным имуществом придет...

Для нужд священника в каптерку поставили солдатскую кровать, так как свою каптер любовно перетащил в новый угол, принесли матрац, причем отыскивали, что удивительно, без желтых разводов, и в дополнение ко всему, постельные принадлежности приготовили. Пока отец Георгий беседовал с офицерами, солдаты и постель ему застелили и, проявив инициативу, новый стеллаж для вещей священника к стене прибили, даже стол из ящиков соорудили. Вместо столешницы использовали четыре струганные доски. Стол был узковат, но для одного человека вполне годен. Завершила интерьер обыкновенная солдатская табуретка.

И гадость солдаты священнику никакую не подстроили, видимо, из уважения к сану. Единственно, что они себе позволили, положили под подушку гранату. Когда отец Георгий стал поправлять подушку, из-под нее выкатилась граната. Чека была сорвана, а отжимной рычаг, как только граната покатилась, выпрямился. Но отец Георгий сам служил в этой же роте, и на такие трюки не реагировал. Граната была черного цвета с белым крестом посредине и красным отжимным рычагом. То есть имела раскраску учебной, не взрывающейся гранаты. Неграмотный в военном деле человек мог бы испугаться и попытаться выскочить из комнаты, хотя, конечно, будь граната боевая, не успел бы, а грамотный только улыбнулся бы. Отец Георгий в военном деле был человеком грамотным. Гранату эту он положил на стол, чтобы тот, кто ее подложил и ждал сейчас из-за двери испуганного вопля, увидел ее и сам успокоился.

– Батюшка, на довольствие тебя поставили, – оглядывая комнату священника, сообщил капитан Столяров. Он уже, кажется, научился без стеснения произносить слово «батюшка» и вроде бы даже привыкать к этому стал. – Место тебе за офицерским столом выделим, я позову.

Но позвать на ужин капитан Столяров не успел. Никто не объяснял причину, и никто не поставил в известность священника, когда в казарме началась беготня. Он сам вышел из своей комнаты, чтобы узнать причину, о которой уже догадывался, поскольку имел опыт командировок на Северный Кавказ. Все оказалось точно так, как отец Георгий и предполагал. Два взвода уже получили оружие из оружейной «горки» и строились прямо в казарме.

Увидев вышедшего священника, капитан Столяров подошел к нему.

– Что, батюшка, полагается или не полагается солдат благословлять, когда они на боевое задание отправляются?

– Это особый момент, товарищ капитан, и рассматривать его следует, исходя из желания самих солдат и офицеров.

– Солдаты и офицеры желают.

Иерей осмотрел строй. Впечатление было такое, что все именно его ждали, желая получить благословение. Все, верующие и неверующие.

– Минутку, товарищ капитан...

Отец Георгий вернулся в свою комнату, надел епитрахиль¹⁰, которую взял с собой, не оставив ее с общим багажом, а поверх нее енколпий¹¹, вышел в казарму. Он не знал здесь ни одного человека, кроме командира роты. Не знал, верующие они люди, воцерковленные или нет. Но они ждали слова священника, как напутствия перед ситуацией, где каждая пуля может оказаться той, что лишит тебя жизни. В такие моменты все начинают верить. И отец Георгий сказал просто:

– Несколько лет назад я был таким же, как вы, солдатом этой же самой роты. И точно так же, как вы сейчас, получал боевое задание. И точно так же, как вы, рисковал жизнью. Но я шел на задание, уверенный, что, кроме меня, мое дело никто сделать не сможет. И потому у меня никогда не было сомнения в том, что Господь Бог наш будет со мной. Пусть же Он и с вами будет в самые трудные и опасные для вас моменты. Пусть пулю от вас отведет и сохранит каждого из вас для жизни мирной. Что такое крестное знамение, вы знаете?

Строй молчал, ожидая дальнейших слов священника.

– Крестным знамением себя осеняя, вы говорите Господу, что доверяете ему свою жизнь и судьбу, и защищаете себя этим же знамением от злых сил, покушающихся на вас. Перекреститесь, даже если на вас нет сейчас нательного креста, даже если вы не крещенные. Перекреститесь вот так... – и иерей показал, как следует креститься. – Три сжатых пальца означают единство Бога Отца, Бога сына и Святаго Духа Бога. А два пальца, прижатые к ладони, олицетворяют собою сам факт сошествия на землю и вочеловечивания Сына Божьего. Господь наш был одновременно и Богом, и человеком. Не Богочеловеком, а и тем, и другим. Я же могу только одно сказать вам в напутствие: спаси и сохрани вас Господи... – Он снова перекрестился, словно молился за всех, уходящих на задание, и даже поклонился строю, крестообразно сложив руки на груди. – Благословляю вас на честное и достойное служение Родине и на помощь друг другу. Помните, что Господь всегда с вами...

Теперь отец Георгий перекрестил весь строй, но уже не так, как крестился сам, а, сложив пальцы совсем иначе, нарисовал в воздухе крест целиком¹². И строй начал креститься. Все – и верующие, и неверующие. Только два человека, как полагается, сложили перед собой крестообразно ладони, принимая благословение. Это означало, что в строю было только двое воцерковленных солдат. Но в этот момент верить хотели все бойцы, и это явственно было написано в их глазах...

Вместо капитана Столярова за иереем Георгием пришел старший лейтенант Красота.

– Ужин, Коровин, – без стука приоткрыв дверь, сообщил он, общаясь со священником так, как общался с солдатами. Видимо, никак не мог перебороть своего эго и сказать «батюшка» или просто «отец Георгий».

Но сам священник не постеснялся напомнить старшему лейтенанту:

– Меня зовут отец Георгий. Не Коровин, а отец Георгий. Это общепринятое обращение.

– Пойдем, Георгий...

– Отец Георгий...

¹⁰ Епитрахиль – принадлежность богослужебного облачения православного священника и епископа – длинная лента, огибающая шею и обоими концами спускающаяся на грудь.

¹¹ Енколпий – наперсный крест священника.

¹² Когда священник кого-то благословляет, он складывает пальцы так, что они изображают буквы: Ис. Хс., то есть Иисус Христос. Это значит, что через священника благословляет людей сам Господь Иисус Христос.

– Пойдем, пойдем, рота уже в столовой.

Отец Георгий понимал, что это не его лично старший лейтенант пытается как-то унижить, показать разницу между собой, офицером спецназа ГРУ, и бывшим солдатом, а ныне священником. Это гордость атеиста упиралась руками и ногами, не желая всерьез воспринимать никакую Веру. Окажись на месте отца Георгия другой священник, никогда в армии не служивший, Красоте было бы так же трудно произнести слово «батюшка» или назвать священника «отцом». Точно так же бывает, когда невоцерковленные люди, даже верующие, как они сами считают, после литургии подходят сначала к иконе, потом к кресту, целуя их, не могут пересилить себя и поцеловать поручь¹³ на руке священника, не понимая при этом, что целуют они не руку человека и не предмет его одежды, а Господу Богу своему отдают честь и поклонение, и молят этим о милосердии и заступничестве. Люди вообще имеют склонность часто рассматривать личность священника, как что-то конкретное, что может нравиться или не нравиться, что может вызывать или симпатию, или, наоборот, отталкивать людей от него. Но в действительности получается так, что отталкиваются люди не от священника, а сначала просто от церкви как от института, а потом и вообще от Веры. Но, если разобраться, когда человек садится в поезд, в самолет или в обычное городское такси, он не думает о личности пилота, машиниста или водителя. Ему нет до этого никакого дела. И пилот, и машинист, и водитель такси – это, по большому счету, только проводники, через которых осуществляется их поездка. Точно так же и личность священника. Священник – такой же проводник при общении человека с Богом. Правда, проводник особый, на которого самим Господом возложена благодать осуществления этой связи.

И именно потому, что люди часто предвзято относятся к священникам, реагируют и на их речь, и на их поведение, и даже на марку их машины, не говоря уже про отношения с прихожанами, те должны быть безупречны. По большому счету, все эти личностные отношения никак не должны отражаться на Вере, но если все же отражаются, то священнику следует быть особо к себе внимательным, особо оценивать каждое свое действие, каждое слово, каждый взгляд. А когда он внимателен к себе, к своему миру, тогда и люди будут это чувствовать. Они ведь не только на службу ходят, еще ходят и на исповедь, да и просто за житейским советом. И чем больше их будет приходить в храм, тем сильнее и действеннее будет молитва. Ведь сам Господь Иисус Христос сказал, что, где двое или трое соберутся во имя Его, там и Он среди них будет.

Когда два взвода роты отправлялись на выполнение боевого задания, все солдаты, и верующие и неверующие, уверовали, что Христос среди них и готов поддержать их, спасти и сохранить, и потому с легким сердцем рассаживались по машинам. А вот в старшем лейтенанте Красоте главенствовала гордыня. А гордыня никого еще до добра не доводила. Именно гордыню называют грехом всех грехов. Отец Георгий хорошо помнил пример из семинарского курса о человеке, который гордился тем, что всегда держит пост, и тем самым вгонял себя в грех...

Старший лейтенант Красота ждал священника на крыльце.

– Забыл ты уже армейские привычки. В столовую собираешься, как женщина на свидание.

– Я только епитрахиль снял, и уже готов, – смиренно возразил иерей, не собираясь обострять отношения. Это никогда не приводит к хорошему, и, если можно избежать обострений, их следует избегать.

¹³ Поручь – вид нарукавников, они надеваются на рукава подрясника, а при полном облачении на рукава подризника. Поручи знаменуют собой Божью силу, крепость и мудрость, даваемые священнослужителям для совершения божественных таинств. Знамение креста на поручах означает, что не человеческие руки священнослужителя, а сам Господь совершает таинство своей Божественной силой.

В столовой для офицеров отряда спецназа ГРУ накрывали отдельный стол, но рядом с солдатскими столами того же отряда. Офицеры уже сидели за ним, не было только командира роты капитана Столярова и двух командиров взводов, отправившихся со своими солдатами на задание.

Отец Георгий сразу встал с торца вытянутого стола и не спешил сесть. Взгляды офицеров устремились на него, и все поняли, что священник чего-то ждет. Сообразив, что именно нужно сделать, подполковник Шумаков быстро поднялся, встали и остальные. Отец Георгий начал читать молитву, чтобы Господь благословил пищу, которую послал людям. Старший лейтенант Красота сел на стул и сразу начал есть, не дожидаясь благословения. Отец Георгий словно бы не заметил этого, дочитал молитву до конца, перекрестил себя и стол, заметив, что остальные офицеры, в том числе и подполковник Шумаков, тоже перекрестились, кто всерьез, кто в шутку, кто поддерживая других. Красота же демонстративно не желал этого делать и поглядывал на священника с торжествующей насмешкой. Отец Георгий понял, что старший лейтенант готовится сказать что-то едкое, и оказался прав.

– А что бывает, если человек начинает есть без благословения? – криво улыбаясь, спросил старлей.

– Вкушать пищу без благословения, это то же самое, что украсть ее у Бога. Все на земле Богу принадлежит, и он по своему усмотрению дает нам необходимое.

– Если человек украл, его наказывать надо, – парировал Красота.

– Конечно, – согласился отец Георгий.

– Ну так пусть он меня и накажет. Прямо здесь и сейчас – пусть накажет.

– А он уже наказал, товарищ старший лейтенант. Он отнял у вас разум... – спокойно произнес священник.

Красота подавился хлебом и закашлялся. Сидящий рядом крупный широкоплечий лейтенант, фамилию которого отец Георгий не знал, громадной ладонью постучал старшего лейтенанта по спине так, что тот чуть носом в свою тарелку не ткнулся.

Это тоже выглядело своего рода наказанием...

Глава пятая

Подполковник ЦРУ Эктор Камачо был когда-то, как он сам любил говорить, неплохим боксером. В свои студенческие годы и сразу после окончания университета он даже входил в состав национальной сборной США и готовился в ее составе к Олимпийским играм. Правда, тренеры предпочли отправить на Игры другого боксера, и тогда Эктор решил попробовать себя на профессиональном ринге. Сначала ему способствовал успех, и даже не просто успех на ринге, но успех финансовый. Промоутер быстро сообразил, как заработать на тезке и однофамильце двух известных пуэрто-риканских боксеров, отца и сына, которых звали точно так же – Эктор Камачо и Эктор Камачо Джуниор, то есть Камачо-младший. Отец был двукратным чемпионом мира. На этом и сыграл промоутер, выводя на ринг никому не известного новичка. Болельщики шли смотреть, как думали, на прославленного боксера или его сына, а оказывалось, что это совсем другой Эктор Камачо. Но деньги за билеты были уплачены, и новичок профессионального ринга неплохо заработал уже в первых боях. Однако долго так продолжаться не могло, тем более что звезд с неба Эктор не хватал, и бои его на профессиональном ринге, где и перчатки легче, и защитного шлема на голове нет, были довольно посредственными. Полностью перестроиться под профессиональный стиль Эктор Камачо не сумел. Промоутер не предлагал новых поединков, и требовалось искать себе работу. Именно тогда ему и предложили пойти учиться в школу ЦРУ в Кливленде. Камачо согласился, понимая, что с образованием социального психолога он едва ли найдет себе достойную работу, будучи гражданским лицом. А работа в ЦРУ с его профессиональными навыками может оказаться успешной. Тем более что Камачо владел, помимо английского, еще и испанским, и французским языками. Испанский был родным языком его отца, а французский – родным языком матери. Сам Эктор в университете дополнял знания того и другого хотя бы для чтения иностранной научной литературы по психологии.

В школе ЦРУ, выбирая курс, Эктор последовал совету одного из преподавателей и выбрал себе курс изучения региона кавказских стран, как перспективного направления, где можно ждать большого карьерного роста. Через полтора года обучения он попал на стажировку. Правда, приобретать практические знания и навыки, а заодно и совершенствовать грузинский язык, который он начал изучать, его направили не на Кавказ, а во Францию, где Эктор должен был наладить отношения с представителями большой грузинской диаспоры в Париже. Сразу попасть в Париж! Разве это не везение! Многие опытные сотрудники, даже старшие офицеры, только мечтают о такой командировке.

Наладить отношения с грузинской диаспорой получилось быстро. Помогли старые навыки боксера. Один из известных представителей грузинской диаспоры в Париже, владелец целой сети ресторанов грузинской кухни Владимир Александрович Гулиа, имел одновременно собственный боксерский клуб и тренировочный зал, где сам и тренировал боксеров, причем не только грузин, живущих в Париже. Более того, сами грузины мало интересовались боксом, поскольку не имели подходящих физических данных: ни достаточной длины рук, ни крепкой головы, мало ощущающей удары кулака. В зале вместе с Эктором тренировалось всего четверо молодых грузин, остальные были, за исключением одного француза, выходцами из африканских стран. Выдающиеся боксеры в этом зале не работали, да и сам тренер был откровенным любителем. Не представителем любительского бокса, а именно тренером-любителем, если оценивать его профессионализм с американской точки зрения, и потому серьезные парни, имеющие талант и амбиции, здесь не задерживались и переходили к более опытным тренерам. Но Георгий Александрович Гулиа работал тренером-любителем в каком-то детском клубе еще в Советском Союзе, и ему откровенно нравилась эта работа. Не имея больших спортивных амбиций, он спокойно относился к неудачам

и не сильно расстраивался, когда очередной ученик уходил от него в другой зал, где имел возможность получить лучшую «школу».

Благодаря своим былым спортивным навыкам и быстро восстановив их, Эктор стал звездой местного масштаба и даже провел два боя за клуб Гулиа, выиграв оба. Его агрессивная американо-мексиканская манера боя была непривычна для молодых европейских боксеров, и боксировать с ним было сложно. При этом Камачо старался со всеми в клубе поддерживать хорошие отношения, особенно с боксерами-грузинами и с самим тренером. Он даже стал вхож к нему в дом, получил покровительство жены тренера, а через них быстро зашагал по лестнице со ступеньки на ступеньку, познакомившись со многими влиятельными представителями грузинской диаспоры, и с теми, кто лояльно относился к режиму тогда действующего президента Грузии, и с оппозиционно настроенными людьми, за которыми, как просчитали аналитики ЦРУ, будущее в этой маленькой горной республике. Университетское образование и специальность, которую он получил, помогали ему успешно налаживать нужные отношения. Эктор Камачо слыл человеком, который может говорить на любую тему, а главное, чем он всех, можно сказать, покорял, это умением слушать то, что другие говорят с удовольствием. Национальная диаспора – это, в общем-то, круг достаточно ограниченных связей и общения, и люди давно уже успели все сказать друг другу. А Камачо был свежим человеком, с которым можно было поделиться любыми своими проблемами, тем более что он, в отличие от большинства, мало говорил, но много слушал. Это редкое среди человеческого общества умение всегда вызывает к человеку приязнь и дружеское расположение, которые в дальнейшем могут перерасти в настоящую дружбу, тем более что грузины народ открытый и к дружбе склонный.

Сам Эктор Камачо умело пользовался при случае миниатюрными диктофонами и вообще всей возможной электроникой, к которой имел особое пристрастие, каждую неделю передавал помощнику военного атташе американского посольства в Париже запечатанный контейнер, где содержался диск с записями интересных разговоров, касающихся не только грузинской политики, но и, во многом, экономики. Копии отсылались, а оригиналы записей оставались у самого Эктора, так что за год с небольшим, что длилась его парижская стажировка, Камачо успел собрать достаточно интересное досье на многих видных людей из грузинской диаспоры. Он был уверен, что когда-нибудь это досье ему очень пригодится...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.